

РОДЖЕР ЖЕЛАЗНЫ

- 1 Врата
 - 2 Power & Light
 - 3 This Mortal Mountain
 - 4 Last Exit to Babylon
 - 5 Nine Black Doves
 - 6 The Road To Amber
-

THE COLLECTED STORIES OF

ROGER ZELAZNY

Threshold

volume
one

КОЛЛЕКЦИЯ РАССКАЗОВ

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

Врата

первый
том

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ж52

Roger Zelazny
THE COLLECTED STORIES
THRESHOLD
Vol. 1

Copyright © 2009 by Amber Ltd. LLC
“Out of Nowhere” © 2009 by Agberg, Ltd.
“Before Amber” © 2009 by Carl B. Yoke
“ ‘...And Call Me Roger’: The Literary Life of Roger Zelazny, Part 1”
and story notes © 2009 by Christopher S. Kovacs, MD
Frontispiece Portrait © 1972 by Jack Gaughan
Dust jacket illustration © 2009 by Michael Whelan (www.MichaelWhelan.com)

Перевод с английского *Романа Демидова*
Стихи в переводе *Николая Караева*
Иллюстрация *Майкла Уэлана*
Дизайн *Елены Куликовой*

Желязны, Роджер.

Ж52 Врата. Первый том / Роджер Желязны ; [перевод с английского Р. Демидова, Н. Караева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 688 с. — (Коллекция рассказов).

ISBN 978-5-04-203642-2

Первый том полного собрания рассказов Роджера Желязны, в который вошли ранние произведения автора — с начала карьеры до середины 1960-х годов. Этот том показывает писателя в период дерзких экспериментов, благодаря которым сформировался его уникальный голос.

Тексты в этом собрании сопровождаются комментариями редакторов, а также словами самого Желязны — фрагментами из его многочисленных эссе, где писатель рассказывает, как он создавал те или иные произведения и какими воспринимал их спустя годы. Также в состав тома входит первая часть биографии Роджера Желязны.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Р. Демидов, перевод на русский язык, 2026
© Н. Караев, перевод на русский язык, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2026

ISBN 978-5-04-203642-2

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Данное шеститомное собрание включает в себя всю известную малую прозу и поэзию Желязны, три фрагмента знаковых романов, подборку эссе и несколько редкостей.

Многие рассказы и стихотворения сопровождаются разделом «Слово Желязны», в котором автор размышляет о предшествующей работе. Также многие из них сопровождаются примечаниями, в которых разъясняются имена, литературные аллюзии и редкие слова. Хотя вы, несомненно, получите удовольствие от творчества Желязны и без примечаний, они помогут даже опытному читателю открыть для себя новые слои в его работах.

Моим намерением уже долгое время было писать истории, которые можно воспринимать на множестве уровней, от простых до сложных. Я считаю, что они должны приносить удовольствие просто как истории... даже тем, кто не может распознать ни одной аллюзии.

*(Роджер Желязны, цитируется по книге
Джейн М. Линдсколд «Роджер Желязны»)*

После названия каждого произведения мелким шрифтом дается информация о первой публикации (дата и источник) в случае издававшихся работ и (иногда приблизительная) дата написания в случае неиздававшихся. Также мелким шрифтом могут даваться имя соавтора, альтернативные названия работ и полученные ими премии. Рассказы, входящие в циклы, отмечены значком §, за которым следует название цикла или имя главного героя.

Дэвид Д. Граббс, Кристофер Ковач, Энн Кримминс

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителей.....	5
Из ниоткуда. <i>Роберт Силверберг</i>	9
Прежде Амбера. <i>Карл Б. Йоук</i>	15

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

Роза для Екклесиаста	29
И тьма жестока	80
Протест мистера Фуллера	82
Проверенный метод	86
Вечная юность	90
Видимость	94
Мистерия	99
Сердце — кладбище	108
Всадник!	178
Наставники спустились на колесе огня.....	182
Безлуние в Византии	190
По дороге в Спленибу	198
Последняя вечеря	209
Кисть Борджиа	221
И девять звездолетов ждут	226
У Цирцеи свои проблемы.....	270
Коллекция Малатесты	279
Пиявка из нержавеющей стали	292
Двери лица его, пламенники пасти его	299
Ужасная красота	342

Монолог для двоих	351
Врата провидца	358
Музейный экспонат	370
Мое есть царство	384
Перстень царя Соломона	407
Белая ворона	434
Великие неспешные короли	442
Страсть коллекционера	451
У ночи есть 999 глаз	456
Придающий форму	463

ПУБЛИЦИСТИКА

Разрозненные заметки о классификации диббуков и тому подобном.	579
«...И зовите меня Роджер». Литературная биография Роджера Желязны, часть 1. <i>Кристофер Ковач</i>	586

РЕДКОСТИ

Выплата под условием	627
Рука хозяина.	635
Великий шелки залива Сан-Франциско	640
Упражнения в спасительстве	644

ПОЭЗИЯ

Бракса	76
Эпилог Екклесиаста	77
Бок	78
Диета	85
Жижа	93
Молитва агностика	97
13-го мая 1937 года	105

Король-кактус	107
Четыре стихотворения	177
Наш индевеющий путь сквозь вечер – кусты пылают окрест В песьем доме Грядущее, не будь нетерпеливо Полет	
Чувство и чувствительность	188
Мир Стата — хмельная летучая мышь.....	269
Кошка вылизывает шерстку	278
Оттягиваясь на бейсболе	288
«Поцелуй» Родена	289
К меланхоличной возлюбленной.....	291
Старинный огайский народный бабах	298
Как стихи значат	350
Концерт	355
Льдовековье	357
Харт Крейн... ..	365
Южный Крест	366
Я раньше думал строчками, которые вовсе не равнялись направо	368
Хюбрис, или Опасность вершин	383
Св. Секер	404
В гараже Фелени.....	406
Ответ чернокожего мальчика Уильяму Батлеру Йейтсу ...	433
Весна священная	440
Декада плюс один о розах	460
Еще увидимся, возможно... ..	575
История публикаций	679
Благодарности	682

Из ниоткуда

Роберт Силверберг

Он возник из ниоткуда. Ему самому, должно быть, так не казалось, но так определенно казалось мне: блестящий новый писатель со странной фамилией внезапно наполнил пресные фантастические журналы начала шестидесятых паразитическими, незабываемыми рассказами, совершенно не похожими на то, что кто-либо (даже Брэдбери, даже Старджон, даже Фриц Лейбер) публиковал в этих журналах прежде.

Впервые читатели фантастики столкнулись с творчеством Роджера Желязны в 1962 году, в августовском номере *Fantastic* — непримечательного и давно забытого журнала, платившего по пенни за слово. Это был рассказ длиной всего в восемь сотен слов, назывался он «Всадник!», и вот как доселе неизвестный двадцатипятилетний автор его начал:

Когда он был громом в холмах, селяне видели жатвенные сны за закрытыми ставнями. Когда он был лавиной стали, скот начал мычать — скорбно, глубоко, — а дети расплакались во сне.

Он был сотрясающим землю стуком копыт, его броня — темной скатертью с россыпью украденных с ночного неба серебряных монет, когда селяне проснулись с осколками странных снов в головах. Они бросились к окнам и распахнули ставни.

И он въехал на узкие улочки, и никто не мог разглядеть его глаз за забралом шлема.

Этот текст поет, поет вычурно. Метафоры кувыркаются друг через друга: «когда он был громом в холмах», и «когда он был лавиной стали», и «он был сотрясающим землю стуком копыт», и «его броня — темной скатертью с россыпью серебря-

ных монет, украденных с ночного неба». Когда ему хочется, построение предложений становится идиосинкратическим: «видели жатвенные сны», маленький окказионализм, в подобном которому мы очень скоро научились узнавать фирменный прием Желязны. Все здесь ярко и броско, все яростно живет, все романтично и эмоционально, и мы с головой погружаемся в странную, драматичную, фантастическую ситуацию, мгновенно переносящую нас в мир сэра Ланселота, а может, Шахерезады. В первых же строках своего первого опубликованного рассказа Желязны объявил о своем присутствии среди нас и продемонстрировал нам, каким он будет писателем.

В том же месяце появился и второй рассказ, «Мистерия», уместившийся, как и первый, всего на двух страницах на этот раз августовского номера *Amazing Stories*, столь же посредственного собрата журнала *Fantastic*. Начало его написано в совершенно иной, но не менее желязновской манере:

В конце сезона печалей настает пора ликования. Весна, точно хорошо смазанные часы, бесшумно отмечает это время. Скучных дней серости и влаги становится все меньше, а дни яркого света и прохладного воздуха возвращаются в календарь. И это хорошо, что сырые времена остаются позади, ибо из-за них наши механизмы ржавеют и корродируют; они требуют самого строгого соблюдения норм гигиены.

Здесь мы видим Желязны — поэта в прозе: обратите внимание на ритмичность и певучесть этого первого предложения: «В конце сезона печалей настает пора ликования». И здесь же присутствует Желязны — лукавый шутник, который сообщает нам, что роботам, дабы избежать ржавчины и коррозии, требуется «самое строгое соблюдение норм гигиены».

Общее впечатление от «Мистерии» более тихое, не настолько фантастическое, как от рассказа «Всадник!». Манера более холодная, сдержанная, куда менее склонная к риторической эффектности. Желязны дает нам сравнения вместо метафор; он дает нам научно-фантастические образы — уязвимую для ржавчины машинерию — вместо средневековых селян и закованного в броню чужака из первого рассказа. В этом абзаце есть сила, в нем есть парящая индивидуальность видения.

По прошествии времени в обоих рассказах очевидна рука Железны, однако в рамках своего невеликого объема они достигают совершенно разного эффекта.

Пришлось бы очень внимательно изучить эти два крошечных рассказика, когда они были опубликованы впервые, чтобы понять, что они возвещают о появлении в наших рядах мастера прозаической техники и образцового рассказчика. Сомневаюсь, что многие пришли к такому заключению на основании всего двух небольших текстов, хотя Сил Голдсмит, инициативный редактор, принявшая их к публикации в *Amazing* и *Fantastic*, наверняка была довольна своей находкой. (В 1962 году она напечатала еще две небольшие вещицы Железны: «Наставники спустились на колесе огня» в *Fantastic* и «Безлуние в Византии» в *Amazing*.) Но постепенно, в течение следующего года, Железны дал нам понять, что это именно так, опубликовав в двух журналах Голдсмит еще около десятка рассказов, один из которых, «И девять звездолетов ждут», своим названием сообщил тем, кто в курсе, что его автор изучал яacobинскую драматургию; а затем, на случай, если кто-то еще не заметил, он опубликовал свою первую классическую работу — «Розу для Екклесиаста» — в ноябрьском номере *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* за 1963 год. Вот ее заметили все. Она была номинирована на премию «Хьюго» («Небьюлы» тогда еще не существовало). Джудит Меррил отобрала ее для своей антологии «Лучшая научная фантастика года». А несколько лет спустя она вошла в число двадцати пяти выдающихся рассказов, включенных в первый том «Зала славы научной фантастики» (*The Science Fiction Hall of Fame*), авторитетной антологии Ассоциации американских писателей-фантастов, заняв шестое место в списке лучших рассказов всех времен, составленном по итогам голосования членов ассоциации. Она была единственной представительницей современной фантастики в книге, в основном состоявшей из классики тридцатых и сороковых годов и не включавшей в себя больше ни одного рассказа, напечатанного после 1956 года. С тех пор «Розу» переиздавали бесчисленное количество раз.

(Стоит отметить, что «Роза», как стало известно десять лет спустя, на самом деле была написана где-то *за год* до первых профессиональных публикаций рассказов Железны. Его друг Томас Монтелеоне в своей магистерской работе 1973 года,

посвященной творчеству Желязны, сообщил, что тот не сразу предложил ее к изданию, потому что думал, будто недостаточная научность сделает ее мишенью для критических насмешек. Так что это был не внезапный скачок на новый уровень мастерства; автор всех этих крошечных рассказиков, печатавшихся в *Amazing* и *Fantastic*, с самого начала был способен на такие значительные произведения.)

После «Розы для Екклесиаста» игнорировать его присутствие стало невозможно. В 1964 году — отягощенном для молодого писателя множеством личных неудач — он напечатал лишь одну выдающуюся работу, «Сердце — кладбище», зато 1965-й принес с собой лавину блистательных повестей и романов — «Придающий форму», «Двери лица его, пламенники пасти его», «...И зовите меня Конрад» и множество, множество других — снискавших ему невероятное признание и, в конечном итоге, целую полку премий «Хьюго» и «Небьюла». (В 1966 году, когда появилась «Небьюла», Желязны ушел с церемонии с двумя из пяти врученных наград, за «Придающего форму» как за лучшую повесть и за «Двери лица его...» как за лучшую короткую повесть. Ему не исполнилось еще и тридцати.) Казалось, будто он повсюду, и его работы нельзя было назвать иначе, нежели поразительными. К тому времени, когда его опубликованный в 1967 году роман «Князь Света» завоевал «Хьюго», лишь на волосок разминувшись с «Небьюлой», Желязны уже причисляли к мастерам жанра. Не думаю, что хоть кого-то из писателей того времени, за возможным исключением столь же оригинального и одаренного Сэмюэла Р. Дилэни, с таким же рвением обсуждали и анализировали коллеги. Ни один здравомыслящий человек и подумать не мог изучать работы Желязны с намерением их имитировать, поскольку голос его был настолько уникален, что любой, кто позаимствовал бы его метод, сумел бы выдать в лучшем случае пастиш. Однако его реактивная повествовательная манера, а также сила и изощренность его стилистики заслуживали внимательного прочтения всеми, кто надеялся оставаться в курсе происходившего в то захватывающее, экспериментальное время.

За последующие десятилетия он издал целый ряд романов — «Остров мертвых», «Долина проклятий», «Сегодня мы выбираем лица», «Порождения света и тьмы» и другие, включая популярный многотомный Амберский цикл. Несмотря на

это, он продолжал время от времени писать рассказы и повести и снова и снова, почти до самого конца своей карьеры, завоевывать «Хьюго» и «Небьюлы» за лучшие из них — в общей сложности на момент его смерти в возрасте 58 лет в 1995 году на счету этого потрясающе талантливого, любимого и оплакиваемого мастера научной фантастики и фэнтези было три «Небьюлы» и шесть «Хьюго».

Смерть Роджера вызвала сильнейшее ощущение потери у всех, кто читал его книги или был его другом. Я принадлежал к обеим этим группам. Как читатель и коллега, я всегда буду помнить впечатление, произведенное и теми ранними выдающимися рассказами, и более поздними его вещами, опубликованными в последующие десятилетия. Поэтому я скучаю по автору «Розы для Екклесиаста», «Кладбища сердца», «...И зовите меня Конрад» и всех прочих чудесных историй, остро осознавая, что мы так и не узнаем, какие еще чудеса изобретательности зрели в его плодородном уме.

Но также он был и моим другом, и даже теперь, спустя столько лет после его смерти, мне больно понимать, что я никогда больше не услышу его тихий голос, не увижу эту лукавую улыбочку. Пятьдесят восемь лет — слишком ранний возраст для смерти, особенно такого энергичного, бодрого, полного жизни и творческой энергии человека, которым до конца оставался Роджер. Я дружил с ним тридцать лет и надеялся продружить еще тридцать, но теперь этому не бывать. За все эти три десятка лет я ни разу не слышал от него ни о ком дурного слова. (Равно как не слышал ни от кого дурного слова *о нем*.) Он был спокойным, мягким человеком, человеком большого терпения, великого благодушия и теплой доброжелательности; я усвоил это на собственном опыте после того, как чрезвычайно пунктуальный Роберт Силверберг дважды на час опоздал на обед с ним во время двух разных визитов в Санта-Фе, где Роджер жил с 1975 года. Для каждого опоздания была своя дурацкая причина, в одном случае связанная с перепутанными часовыми поясами, а в другом — со сломанными наручными часами. И каждый раз Роджер встречал мое опоздание с юмором и обаянием, как будто мои постоянные часовые опоздания на обед — это неотъемлемое свойство вселенной, и причин возмущаться ими существует не больше, чем открытием, что вода не может течь вверх по склону. Это было для него совершенно

типично. Вне всякого сомнения, в его жизни случались и моменты гнева; но свидетелем их я не был ни разу.

Роджер был радостным человеком во всех смыслах этого слова. Это ощущение заразительной радости проглядывает во многих историях, собранных в этой книге. Этот многотомник — памятник ему. Я бы, конечно, предпочел, чтобы он до сих пор был жив, а памятник подождал; но вселенная не предоставляет нам выбора в таких вопросах, и мы должны быть рады хотя бы тому, что Роджер Желязны провел среди нас эти пятьдесят восемь лет и оставил после себя это яркое собрание историй, которое будет улаживать нас без конца.

ПРЕЖДЕ АМБЕРА

Карл Б. Йоук

Я метнул камень в солнце, садящееся в озеро Эри, и мы начали считать. Двадцать один, два, три, четыре, пять, шесть — а потом камень булькнул и ушел под оранжевую стекляннистую воду.

— Черт, — сказал я и посмотрел на него.

— Не так хорошо, как мои тридцать два, — поддразнил он меня.

— Я тебя еще догоню.

— Ни за что.

Видеть в сгущающейся темноте было трудно, однако мы твердо решили найти еще камней для игры в «блинчики», поэтому он двинулся по пляжу в одну сторону, а я в другую. Хороших нам попало немного, потому что мы уже провели здесь полчаса.

Пляж был замусорен пустыми пивными бутылками, плавником, старыми крышками, пеплом от костров, мертвыми рыбами и использованными презервативами. А еще на нем была куча шуток, которые мы не могли опознать и не собирались брать в руки.

Я отбросил ногой от ветки что-то похожее на оторванный от белой юбки лоскут и увидел кусок серого сланца. «Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумал я. Он был идеален — обточен до гладкости волнами озера Эри, нужной мне толщины и дюйма три в диаметре. Я взял его, обтер о штанину джинсов и несколько раз взвесил в ладони, примериваясь к броску.

И тут я услышал:

— Йоук! Йоук! Иди сюда!

Я обернулся. Роджер стоял где-то в тридцати футах от меня и махал рукой.

— Смотри, что я нашел!